

Творчество А.С. Панарина внесло огромный вклад в развитие российской политической науки. Заложенная им методология исследования социальных и политических процессов активно применяется в научных исследованиях, а рекомендации и политические прогнозы, обладают аргументированностью и реалистичностью, что не могут не использоваться органами власти и политическими лидерами при разработке и реализации политических программ.

Литература

1. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2000.
2. Панарин А.С. Политология. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: «Проспект», 2000.
3. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М.: Едиториал УРСС, 1999.
4. Панарин А.С. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой // Наш современник. 2001. №11.
5. Зарубина Н. А.С.Панарин: гражданская идентификация // Наш современник. 2004. №9.
6. Савельев А. Стратегическая политология Александра Панарина. Размышления над книгой А.С.Панарина «Стратегическая нестабильность в XXI веке» // <http://www.filgrad.ru/texts/panarin/panarin50.htm>
7. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. Гл. первая. Третья мировая война как судьба поколений XXI века // <http://www.filgrad.ru/texts/panarin/panarin50.htm>
8. Панарин А.С. Политология. МГУ им. М.В.Ломоносова. М.: Проспект, 2000.
9. Панарин А. С. Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. - Изд-во: Университет, 2000.
10. Панарин А.С., Политология. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2000.
11. Путин В.В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10.02.2007 г. Мюнхен. http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377_type63381type82634_118097.shtml

УДК 32.01

Старостин А.А.

Методологические аспекты изучения национально-государственной идентичности в современной политической науке

В статье рассматриваются методологические аспекты изучения национально-государственной идентичности в современной политологии, анализируются новые тенденции в исследованиях идентичности, проявившиеся в формировании особой разновидностью макрополитического подхода или «глобального конструктивизма». В рамках данного научного направления проблематика национально-государственной идентичности рассматривается в контексте взаимосвязи последней с феноменом информационно-сервисной цивилизации, с процессами политической, информационной и социокультурной глобализации начала XXI века.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, национально-гражданская идентичность, нация, национальное государство, глобализация.

Анализ научных публикаций современных ученых-политологов свидетельствует о том, что в политической науке в настоящее время сформировался обширный спектр диспозиций, сквозь призму которых современные исследователи рассматривают как идентичность в целом, так и национально-государственную идентичность в частности [1, 79-80]. В то же время в первом десятилетии нового столетия в мировой науке появились новые тенденции в исследованиях идентичности, проявившиеся, в частности, в формировании особой разновидности макрополитического подхода, получившего наименование «глобального конструктивизма». В рамках данного научного направления проблематика национально-государственной идентичности рассматривается в контексте взаимосвязи последней с феноменом информационно-сервисной цивилизации, с процессами политической, информационной и социокультурной глобализации начала XXI века. Особенностью макрополитического подхода в целом является ориентация на анализ процессов формирования геополитических и цивилизационных особенностей самоидентификации государства как субъекта мировой политики. Рассматриваемая проблема самоидентификации современного государства в мировом политическом пространстве была освещена, в частности, в трудах таких современных исследователей, как К. Боулдинг, З.А. Жаде, И.Ю. Киселев, А.Г. Смирнова и некоторых других ученых.

Так, с точки зрения З.А. Жаде, современное общество характеризуется кардинальными изменениями идентичности, происходящими как на уровне общества и составляющих его групп, так и на уровне включенности отдельных обществ в глобальную систему взаимодействий [2]. И в первом, и во втором указанном случае определяющее влияние на изменение идентичности во многом оказывает глобализация. При этом учитывается, что идентичность как важнейшая категория современного социально-гуманитарного знания должна отражать сложную диалектическую систему взаимовлияния целостности, определенности, «тождественности самим себе» социальных общностей и групп, а также маргинализация этих процессов. Как известно, идентификация представляет собой один из реальных механизмов социализации индивида, состоящий в принятии им социальных ролей, усвоении социокультурных образцов и моделей поведения. В данном контексте уместно процитировать высказывание еще одного отечественного исследователя проблем идентичности СП. Поцелуева, который справедливо указывает, что «понятие идентичности предполагает родовую сущность •человеческого сознания, позволяющего индивиду выделиться из окружающего мира (ситуации). Смысл идентичности состоит не только в том, что «Я» отождествляет себя с какими-то социальными категориями, но и в том, что оно утверждает свою уникальность посредством серии таких идентификаций» [3, 111].

Несмотря на определенные разночтения, большинству макрополитических концепций идентичности, в том числе, и концепции «глобального конструктивизма» присущи некоторые базовые положения, к которым, в частности, относится тезис о том, что важным фактором, влияющим на идентификационный выбор государства в макрополитическом масштабе являются ранее сложившиеся, обусловленные предшествующим социально-историческим развитием особенности политической культуры конкретного общества. Наряду с этим, современные теоретики идентичности рассматривают в качестве существенного аспекта макрополитической самоидентификации современных государств особенности самоидентификации «управляющего класса» или национальных политических элит, а также ряд других внутренних и внешних «независимых» параметров. Внутренние ограничения, наряду с обозначенными выше историческими и политико-культурными особенностями обществ и управляющих

ими политических элит включают и широкий спектр ситуационных факторов, к которым относятся, к примеру, экономическая зависимость государства от внешних акторов или доминирующие в обществе политические настроения. Что же касается внешних ограничений, то они могут иметь как объективные основания, включающие интересы других акторов мирового политического процесса, конкретные военно-политические конфигурации, сложившиеся в регионе, так и значимую субъективную составляющую, например, исторически устоявшееся восприятие конкретного государства как врага. Все это предполагает необходимость в условиях современного общества усиления роли исторической аргументации как «ресурса самопозиционирования на международной арене», а также исторической политики государства как одного из ведущих направлений внешней политики последнего.

Как отмечает по этому поводу известный отечественный политолог И.С. Семенов, в настоящее время все более остро проявляется необходимость сочетать цивилизационные и социокультурные особенности новых политических сообществ с задачами модернизации, что особенно актуально для постсоветского пространства, в рамках которого происходят процессы становления национальной государственности и социальной консолидации (политические элиты постсоветских государств обратились к политике идентичности в первую очередь в поисках ресурсов укрепления государственности). Политика идентичности в широком смысле рассматривается в современной российской и зарубежной политической науке как совокупность ценностных ориентиров, практик и инструментов формирования и поддержания национально-государственной, а также гражданской и иных форм макрополитической идентичности. Национально-государственная идентичность в такой трактовке рассматривается как объект целенаправленного воздействия и взаимодействия государства и групп интересов, формирования и целеориентированного конструирования общих ценностей, смыслов и ориентиров развития и групповых идентичностей. Государство при этом выступает в качестве ключевого, но не единственного актора политики идентичности этого уровня. Дело в том, что для современных демократических обществ характерна многосубъектность политики идентичности: в процесс конструирования национально-государственной идентичности здесь оказываются вовлеченными различные структуры гражданского общества, религиозные организации, представители политической и экономической элиты, а также интеллектуальные сообщества и публичные интеллектуалы. Для трансформирующихся обществ важнейшим является именно конструирование национально-государственной идентичности и ее культурных опор, поскольку именно национально-государственная идентичность является основой консолидации государства [4, 56-57].

Конструктивистский подход в его традиционной интерпретации, а также современные версии данного подхода, включающие в том числе «глобальный конструктивизм», рассматривается многими исследователями как наиболее эвристически продуктивное основание исследования национально-государственной идентичности». В то же время, конструктивистские теории не свободны, по мнению ряда ученых, и от некоторых недостатков. Так, по мнению отечественного политолога И.Н. Тимофеева, уязвимой позицией конструктивистского взгляда на политическое сообщество является вопрос об акторах, которые создают и «воображают» данное сообщество. Как справедливо отмечает Тимофеев, в рамках конструктивистских построений существует положение, согласно которому политические элиты и лидеры выступают в качестве тех акторов, которые формируют политическое сообщество и создают нацию-государство. Таким образом, получается, что элиты, следуя логике конструктивистов,

сознательно строят общество для обеспечения легитимности, лояльности и порядка. Что же касается строительства нации, то оно фактически осуществляется путем навязывания политической идентичности гражданам посредством целого ряда социальных институтов, к которым относятся средства массовой информации, система образования и воспитания и т.д. Иными словами, идентичность не выбирается гражданином, а само сообщество не строится им на тех или иных правилах: гражданин, напротив, оказывается в ситуации предопределенности рассматриваемых принципов и вынуждается к принятию определенной идентичности [5,35].

Оппонентами конструктивистов являются перенниалисты (Д. Армстронг), которые, не отрицая с одной стороны того, что индивид оказывается в ситуации уже определенной идентичности и не выбирает ее, в то же время, с другой стороны, рассматривают нацию-государство не в качестве сконструированного образования, но в качестве политизированного этнокультурного сообщества, имеющего глубокие исторические корни.

Иными словами, согласно концепции перенниализма, существующие в обществе культура и традиции являются сильным ограничителем конструктивистскому творчеству элит. Все дело в том, что рассматриваемые этнокультурные элементы могут характеризоваться сильной укорененностью в обществе, вследствие чего их может быть трудно изменить в одночасье, исключительно по воле рационального субъекта. С точки зрения одного из представителей данного научного направления, Д. Армстронга, даже если принять за аксиому предположение, согласно которому язык, этническая культура и традиции играют пассивную роль в «воображении» сообщества, само их содержание уже априори задает серьезные рамки для его идейного содержания. По этой причине, нация является, если опираться на концепцию перенниализма, не политическим, а этнокультурным сообществом, выступают не феноменом, характерным для определенной эпохи, например, для Нового времени, как полагают некоторые исследователи, а извечным феноменом, представляет собой не механическое, а органическое целое [5, 36].

Анализ концепций конструктивизма и перенниализма позволил уже упомянутому выше российскому политологу И.Н. Тимофееву сделать вывод, согласно которому, сконструированные политические проекты, укоренившиеся в обществе, сами в дальнейшем становятся ограничителями для будущих «строителей» политического сообщества. И.Н. Тимофеев, рассуждая о политической идентичности, находящейся в центре его исследовательского интереса, приходит к заключению о том, что смысл ее состоит не в том, что это некий абстрактный проект или интеллектуальная конструкция, а в том, что этот проект значим для общества, разделяется гражданами, служит своеобразным референтным пунктом, относительно которого люди сознают себя как единое политическое сообщество и отождествляют себя с ним. Политическая идентичность является не просто неким рациональным конструктом, а выступает в качестве «смысла и эссенции общности», представляет собой часть его «политической морали, выходящей за пределы рационального». Попытки произвольного изменения этого проекта могут натолкнуться на серьезные препятствия, могущие возникнуть вследствие инерционности массового сознания населения конкретного общества, характерных для него духовных представлений и ценностных ориентации. Значимость политической идентичности проистекает из того обстоятельства, что на этом проекте зиждется вся совокупность политических институтов, являющихся центральными элементами политической системы общества, а также такие ее компоненты как политический курс и политическая практика. Радикальная пере-

стройка или разрушение политической идентичности могут обернуться разрушением политического сообщества в целом, и поэтому, как справедливо утверждает И.Н. Тимофеев, возможны лишь модификация, достройка или «доконструирование» сложившихся принципов, на основе которых выстраивается политическая идентичность. Данный исследователь уподобляет политическую идентичность многослойному коралловому рифу, который можно изменить частично, но невозможно преобразовать как целое [5, 36-37].

На наш взгляд, данные теоретические построения, использованные для анализа феномена политической идентичности, можно применить и в целях исследования национально-государственной идентичности. Национально-государственная идентичность также только частично является продуктом политики государства и иных заинтересованных в ее конструировании политических акторов: в основании национально-государственной идентичности находятся сформированные на более ранних этапах развития данного общества объективно существующие социокультурные паттерны, которые задают своеобразные пределы, ограничения конструирования данной идентичности (И.Н. Тимофеев, к примеру, рассматривает в качестве таких ограничителей культурные и этнические традиции, политический контекст, а также созданные в предшествующие периоды исторического развития государства конструкты идентичности). В целом, национально-государственная идентичность может быть определена как результат конструирования социально-политических смыслов и их интериоризации в массовое сознание; сам же процесс конструирования при этом в идеале должен быть ориентирован на множественность социальных оснований и схем или так называемых социокультурных паттернов имеющих, в том числе, и исторический характер. Такое понимание национально-государственной идентичности предполагает интерпретацию последней как продукта «политики идентичности», в основе которой находится ярко выраженная историческая составляющая.

Исследование национально-государственной идентичности предполагает также более четкую концептуализацию данного понятия, определение места национально-государственной идентичности в широком ряду близких понятий, используемых в академическом дискурсе. В основе концепта национально-государственной идентичности лежат такие понятия как «нация» и «национальное государство», причем трактовка этих основополагающих понятий характеризуется неоднозначностью и противоречивостью, что затрудняет концептуализацию и самого понятия «национально-государственная идентичность» [6]. Понятие «нация», в частности, является одним из наиболее сложных понятий в общественных науках в целом и в политологии в частности. В настоящее время в научном обороте имеются уже несколько сотен определений этого понятия, однако не одно из них не является общепризнанным. Так, в научном сообществе имеются сторонники этнического и гражданского понимания нации: если первые рассматривают нацию как высшую форму этнической общности, то вторые понимают под нацией в первую очередь сообщество людей, живущих под властью одного правительства, понятия же «этнос» и «нация» в таком случае четко разграничиваются. Как и понятие «нация», научная категория «национальное государство» рассматривается учеными, в том числе, и политологами, как минимум в двух смыслах. Так, существует широкое понимание национального государства (state-nation), в рамках которого последнее определяется как относительно сплоченная общность людей, обладающая устойчивой общенациональной идентичностью, на которую распространяется суверенная власть. Если использовать данный подход к трактовке понятия «национальное государство», то к таким государствам можно бу-

дет отнести практически все современные государства, существующие в мире. Стабильное существование и развитие такого государства возможно в том случае, если для его граждан характерна высокая степень осознания принадлежности именно к данному государству в целом вне зависимости от этнической, локально-региональной или иной принадлежности. Как отмечает В.А. Тураев, такому пониманию сущности национального государства соответствует тезис о том, что границы нации и государства совпадают, однако не нация формирует границы государства, а государство - границы нации [7, 28].

Наряду с широким пониманием, есть и узкое понимание национального государства, в соответствии с которым оно определяется как однонациональное/мононациональное в противоположность многонациональному государству. Государства мононациональные, как следует из названия, строятся на основе одной нации, вследствие чего коллективная идентичность включает здесь этнокультурные аспекты. Иными словами, многонациональные государства состоят из нескольких этнических групп, а мононациональные, соответственно, из этнически однородных обществ (отметим, что в таком смысле подавляющее большинство современных государств являются многонациональными).

В современном двухтомном научном издании «Политическая идентичность и политика идентичности» отмечается, что в российском научном дискурсе понятия «национальное государство», «нация-государство» и, реже, «государство-нация» употребляются в основном как синонимы: данные понятия указывают на исторический характер государственности и, имплицитно, на ее ориентацию на исторические модели нациестроительства. При этом, по мнению И.С. Семененко, в настоящее время, учитывая современную диалектику национальной и государственной самоидентификаций, предпочтительнее говорить о национально-государственном сообществе и о политической нации как его субъекте, о перспективах формирования на ее основе гражданской нации. Как отмечает данный исследователь, в современном научном и политическом дискурсе можно наблюдать тенденцию переосмысления понимания «национального» применительно к государству и к самоопределению его граждан в категориях национальной принадлежности, гражданства и идентичности. Рассматриваемая тенденция проявилась, в частности, в появлении в российской публичной дискуссии понятия «государственно-гражданской» или «национально-гражданской идентичности» (данное понятие употребляется в работах Л.М. Дробижевой). Национально-гражданская идентичность включает в себя не только «лояльность государству, но и отождествление себя с гражданами страны, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и переживаемые людьми в связи с этим чувства» [8, 218]. Помимо этого, происходит пересмотр самого понимания гражданства, которое выходит в научном и в публичном дискурсе за рамки политико-правового статуса гражданина государства: гражданская идентичность все чаще связывается с выбором в пользу гражданской ответственности и социальной солидарности, с вовлеченностью в работу на общественное благо. В современной политической науке широкое распространение получила точка зрения, согласно которой национально-государственная идентичность предполагает самоидентификацию индивида с политической нацией на основании соотнесения с ее политической культурой и институтами. Рассматриваемый вид идентичности характеризуется опорой на чувство общности с согражданами и эмоциональное переживание такой общности, которое, проявляется, в том числе, в гражданском участии и различных формах социальной активности [4, 46].

Национально-государственная идентичность предполагает отождествление с определенным государством как формой или основой политико-территориального, а также гражданско-политического оформления нации, которое находит выражение в определенном отношении граждан к общенациональным политическим институтам и осознании себя единым сообществом в рамках государства. Национально-государственная идентичность также включает в себя совокупность принципов, ценностей и установок, которые формируют социальную связь между государством и гражданином: набор общих представлений о государстве, видение его роли в мировом сообществе государств, понимание его истории. Рассматривая национально-государственную идентичность, необходимо проанализировать ее структуру, выделить образующие ее основные элементы. На наш взгляд, в структуре национально-государственной идентичности можно выделить три базовых компонента: когнитивный, ценностно-эмоциональный и поведенческий. Первый, когнитивный компонент национально-государственной идентичности, включает в себя знание о принадлежности к определенному национально-государственному сообществу, представления об идентифицирующих признаках, принципах и основах данного сообщества (территориальных, культурных, политических и т.д.), общенациональных политических институтах, гражданстве. Отметим, что важнейшей составной частью этих представлений, безусловно, является образ национального государства с занимаемой им территорией и населяющими его социальными и этническими группами (образ «страны России»), осознающими себя единым сообществом в рамках данного государства.

Как справедливо отмечает академик РАН М. К. Горшков, от того какие образы идентичности (в данном случае речь идет об образе государства) будут доминировать в массовом сознании, что будут представлять собой важнейшие референтные группы самоидентификации, во многом зависят перспективы становления в России структур гражданского общества, а также степень эффективности функционирования различных политических институтов, характер политического участия граждан, а также в конечном итоге и социальный климат в обществе. В данном контексте необходимо учитывать и то обстоятельство, что представления граждан о самих себе, собственном месте в мире и «других» (т.е. в первую очередь о гражданах иностранных государств), непосредственно влияют на формирование политической и социокультурной ориентации населения конкретного общества. Последняя, в свою очередь, опосредует массовое восприятие места и роли российского государства в современном мире, отношение граждан России к другим странам и их населению, а также характерным для них институтам и ценностям [9, 9-10].

Здесь нельзя не согласиться с точкой зрения М.К. Горшкова, согласно которой формирование российской национально-государственной идентичности на глобальном уровне следует рассматривать как предпосылку успешной интеграции страны в мировое сообщество и ее эффективного позиционирования на международной арене. Что же касается личностного уровня, то здесь национально-государственная идентичность призвана способствовать утверждению жизненных ориентиров, формированию чувства защищенности в рамках «своего» национального государства, что, как пишет М.К. Горшков, является особенно важным для тех российских граждан, которые испытывают чувство тревоги, переживают состояние фрустрации, будучи озабоченными состоянием дел в государстве и одновременно с этим ощущающими беспомощность и невозможность каким-то образом повлиять на осуществляемую в стране политику. Становление национально-государственной идентичности, предполагающей складывание прочной национальной солидарности, возникновение в сознании

Граждан ощущения самоидентичности, связанной с возможностью отнести себя к какой-то системе (в данном случае к определенному национальному государству), которая направляет жизнь человека и придает ей определенный смысл, позволяет человеку не «остаться в одиночестве перед натиском бури глобализации потеряться в ней». В противном же случае, как указывает М.К. Горшков, человек, утрачивая свои идентификационные качества, одновременно просто «теряет себя», так как идентичность в целом представляет собой основу его онтологической безопасности и непрерывности его бытия [9, 9-10].

Не вызывает сомнений тот факт, что знание об идентифицирующих признаках государства является основой жизнедеятельности индивида как гражданина, могущее в идеале способствовать отождествлению последнего с конкретным государством как формой или основой политико-территориального, а также гражданско-политического оформления нации. Как уже указывалось выше, национально-государственная идентичность рассматривается в качестве важнейшего фактора консолидации вокруг интересов страны, поэтому степень ее укорененности в сознании и поведении граждан выступает как залог политической и духовной консолидации, а также единства национально-государственного сообщества (на формирование подобных представлений направлены, в частности, выступления Президента РФ и в первую очередь его ежегодные Послания к Федеральному собранию, обращения к народу, в которых содержится комплекс идей о российской национально-государственной идентичности. К их числу относятся идеи сильного государства, необходимости современной армии и флота, возрождения России как великой державы и завоевания ею достойного положения в современном мире, гордости за великое прошлое страны, российского патриотизма и т.д.).

Ценностно-эмоциональный компонент национально-государственной идентичности связан в первую очередь с наличием позитивного или негативного отношения к самому факту принадлежности индивида к определенному национально-государственному сообществу. Иначе говоря, ценностный компонент национально-государственной идентичности отражает наличие или отсутствие для человека личного смысла рассматриваемых элементов (здесь имеются в виду прежде всего общенациональные политические институты), их значимость и включенность в индивидуальную систему ценностей, базовые эмоциональные характеристики восприятия нации и государства, а также восприятие конструкта «мы» в фокусе многообразия «чужих» и «врагов». В качестве важнейшей составляющей национально-государственной идентичности также следует рассматривать чувство гордости или стыда, вызванное национально-государственным сообществом и самим фактом принадлежности к нему, проявленным к нему отношением, принятием данного факта как значимого в жизни человека. Базовым идентифицирующим механизмом здесь выступает патриотизм как чувство приверженности определенному национально-государственному сообществу, признание его значимой ценностью. Для нас очевидным является тот факт, что отождествление с определенным государством как формой или основой политико-территориального, а также гражданско-политического оформления нации, т.е. национально-государственная идентичность, не может сформироваться без понимания гражданами исторической общности территории национального государства, его законов и общенациональных политических институтов (важное значение имеет и уровень доверия, позитивное отношение к данным институтам), общности гражданства, а также желания и согласия быть частью этого госу-

дарства, наличия коллективного самосознания граждан как членов национально-государственного сообщества.

Отметим, что для отдельного человека функция национально-государственной идентичности заключается в реализации базисных потребностей личности в принадлежности к группе (в данном случае, к определенному национально-государственному сообществу): по утверждению психологов, чувство «мы», объединяющее человека с некоей большой общностью, позволяет ему чувствовать себя более уверенно перед сложной и не всегда понятной ему социальной реальностью. Национально-государственная идентичность как бы фиксирует единство интересов индивида с интересами данного сообщества, что непосредственно связано с выполнением как защитной функции, так и функции самореализации и самовыражения (речь идет о возможности оказывать влияние на функционирование национально-государственного сообщества, политической и гражданской активности его субъектов).

Литература

1. Так, к примеру, В.В. Бушуев и В.В. Титов, выделяют три типа таких диспозиций: психологического, социологического (включая этносоциологические концепции), и макрополитического (геополитического, политико-философского, цивилизационного) характера. См.: Бушуев В.В., Титов В.В. Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в ее формировании (теоретико-методологический анализ) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия «История и политология». 2011. № 4.

2. Жаде З.А. Векторы геополитической идентичности. Ростов н/Д., 2007. С. 77-78. Отметим, что под идентичностью З.А. Жаде понимает самоидентичность человека или группы с определенным политическим или социокультурным сообществом; интегрированность человека и общества, их способность к осознанию самоидентичности и ответу на вопрос: «Кто я такой?»

3. Поцелуев С.П. Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев // Трансформация идентификационных структур в современной России / Под ред. Т. Г. Стефаненко. М.: МОНФ, 2001.

4. Семененко И.С. Политическая нация, национальное государство и гражданская идентичность: на пути в глобальный мир // Политическая идентичность и политика идентичности в 2 т., Т. 1., М., 2012.

5. Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции: монография. М., 2008.

6. См., напр.: Галимова И.М. Концепт национально-государственной идентичности в академическом дискурсе // Вестник Пермского государственного университета. Серия «Политология». Выпуск № 3 (15). 2011.

7. Тураев В.А. Этнополитология. М., 2001.

8. Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся, Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, 2008.

9. Горшков М.К. Российская идентичность в контексте западноевропейской культуры // Власть. 2013. № 1.